

МИР
ГЛАЗАМИ
УБИЙЦЫ

ОГЛАВЛЕНИЕ

Наедине с убийцей	9
Пролог	14
1. Шанс	24
2. Человек, которого легко обмануть	37
3. Город мечты	66
4. Ультиматум	79
5. Курс молодого бойца	93
6. Корея	102
7. Форт-Нокс	114
8. В поисках матери	125
9. Это не грустная история	136
10. Ночной сторож	154
11. Иллюзия семьи	173
12. В дороге	190
13. Голоса в голове	200
14. Первые выстрелы	208
15. Призрак	216
16. Идеальная пара	230
17. Убийца с 44-м калибром	238

18. А что у вас назначено на 29 июля?	252
19. Блэкаут	269
20. Первое свидание	278
21. Я — Сэм	294
Эпилог	312

Я не должен был родиться, но
раз уж так вышло, вам придется
со мной познакомиться. Я — сын
Сэма.

Дэвид Берковиц

НАЕДИНЕ С УБИЙЦЕЙ

Подумать только, серийный убийца, расстреливавший людей по приказу соседской собаки. По крайней мере, именно этим он объяснял свое поведение. Монстр, держащий в страхе целый город. Все это никак не вязалось у меня в голове. Я никак не мог понять, почему люди слушают его. Он ведь стал проповедником, издал несколько книг, которые стали так популярны, что их попытались запретить, а потом даже приняли специальный закон, который запрещает убийцам получать прибыль от своего творчества. Я все никак не мог понять, почему так происходит, почему люди покупаются на это? После нашего разговора с ним мне начало казаться, что я близок к разгадке. Я бы хотел продолжать думать, что передо мной сумасшедший, который убивал по приказу собаки, но чем дольше мы говорили, тем больше мне казалось, что я смотрюсь в зеркало...

Дэвид — психопат с очень хорошо развитой системой компенсации. Разговаривая с тобой, он постепенно начинает копировать твои жесты, позы, говорит спокойным тоном, и вскоре ты с удивлением замечаешь, что согласен с ним, ведь

он говорит только то, что ты хочешь услышать, что, как ты полагаешь, должен говорить исправившийся убийца.

*ВСЕ ОБЫЧНО ТАК ХОТЯТ УЗНАТЬ, ЧЕМ СЕРИЙНЫЕ УБИЙЦЫ ОТЛИЧАЮТСЯ ОТ ЛЮДЕЙ. БОЮСЬ, ОТВЕТ НЕ ПОНРАВИТСЯ...
ДЭВИД БЕРКОВИЦ*

ДЭВИД БЕРКОВИЦ РАССКАЗЫВАЕТ:

— А вам хотелось выйти на улицу с заряженным оружием в руках? Не нужно врать. Я все равно не узнаю об этом, а врать самому себе — вредно и опасно. Это первый шаг к шизофрении. Вы ведь не хотите, чтобы все пришло к этому, верно? В конце этого пути вы не найдете ничего, кроме бетонной стены тюремного изолятора... Я знаю.

Раз вы сейчас читаете это, то предположу, что вы остались один на один со своими разрушительными мыслями. Я понимаю. Очень долго мне казалось, что я — исключение из правил и статистическая погрешность, но, будь это так, моя судьба сложилась бы совсем по-другому. Серийные убийцы не волновали бы умы миллионов людей, если бы они были только лишь ошибкой природы.

Все обычно так хотят узнать, чем серийные убийцы отличаются от людей. Боюсь, ответ не понравится. Люди сопереживают убийцам, потому что чувствуют в них сходство с собой. Они хотят понять, что заставляет человека переступить грань отчаяния.

Наверное, нужно ответить на этот вопрос сразу и не держать интригу до конца книги.

10 Он слишком простой и очевидный. Отчаяние

и отсутствие надежды. Когда ты чувствуешь безысходность, все твои действия кажутся бессмысленными, а ты продолжаешь бессильно кричать, именно тогда приходит мысль о том, чтобы снять револьвер с предохранителя. Не нужно отбирать у людей надежду, именно она обычно удерживает человека от того, чтобы превратиться в монстра.

Бунты случаются только в тех тюрьмах, где содержатся пожизненно заключенные. Именно поэтому обычно у людей не отбирают право на прошение о помиловании. Оно есть даже у меня, хотя я понимаю, что мне не придется воспользоваться этим правом. Правительство слишком боится того, что может произойти после моего освобождения. Оно хорошо помнит, что случилось в прошлый раз. Люди обезумели. Они впервые увидели, что человек может выйти на улицу с заряженным оружием и убивать счастливых людей. И знаете что? Они тоже начали убивать.

В это сложно поверить, но я всегда хотел помогать, с самого детства, но общество не дало мне шанса реализоваться. Мне не удалось выдержать экзамен в пожарную службу, не получилось сделать военную карьеру, я не смог проявить себя в колледже или сделать хоть какую-то карьеру. Всего этого мне не дали сделать. Природа не дала мне яркой внешности, поэтому я не мог рассчитывать на внимание девушек, которые хотели ходить на свидания с богатыми спортсменами, а не с охранниками, которые не в состоянии обеспечить даже себя. Какая девушка обратит внимание на такого человека? Даже если кто-то и нашелся бы, вряд ли такая девушка могла вызвать у меня уважение.

Если человек вынужден каждый день проходить мимо чего-то, что ему недоступно, что он никогда не сможет себе позволить, то рано или поздно ему захочется это уничтожить. Не украсть, нет. Воровство — это искусство, способ мысли и действия, но желание уничтожить имеет совсем другую природу.

В какой-то момент все вдруг стали хиппи. Из-за каждой подворотни слышался характерный сладковатый запах, повсюду проходили вечеринки, все веселилось так, как будто это в последний раз. Примерно так и было. Все мы понимали, что у нас нет шанса выбраться из нищеты, кем-то стать в жизни, поэтому люди веселились на полную катушку. Секс и наркотики стали общедоступны, но для меня все это было неприемлемо. Я рос в соответствии с традиционными ценностями, поэтому такой образ жизни был не для меня, а возможно, просто та жизнь не хотела принимать меня. Не знаю. Я каждый день проходил по одним и тем же дорогам, мимо нескольких баров, мимо улицы с заброшенными домами и общественного колледжа. Каждый день я видел сотни счастливых, влюбленных и беззаботных людей. Сотни спортивных и богатых парней, за которыми увивались ядовито раскрашенные девицы. Все эти парочки любили заниматься сексом в машине, которую парковали где-нибудь в уединенном месте в парке. Я встречал пару таких машин каждый раз, когда возвращался с работы ближе к утру.

Я был толстым некрасивым парнем, работавшим ночным сторожем в одной небольшой компании. Все, что я зарабатывал, приходилось

тратить на аренду жилья. Так продолжалось год, два, три... А потом я понял, что так будет всегда. Однажды я целый месяц не выходил на работу, но ни одному человеку не пришло в голову поинтересоваться тем, где я и что со мной. Если бы я пустил себе пулю в лоб, то об этом узнали бы только в день выплаты арендной платы. Никто бы не расстроился из-за моей смерти, никто бы не заметил того, что я жил. Впоследствии, изучая книги по психоанализу, я заметил, что мое сознание решило купить оружие именно в тот момент, когда я осознал свою ничтожную значимость для этого мира. Мне кажется, что тяга к убийствам возникла во мне из желания собственной смерти. Я хотел, чтобы меня заметили, увидели и застрелили в перестрелке. К сожалению, меня и тогда никто не увидел.

После первого убийства я почувствовал власть и силу, которых никогда раньше не ощущал. В газетах стали появляться заметки о моих преступлениях, а после письма в редакцию все первые полосы газет были посвящены мне, вернее, Сыну Сэма. Я шел по улице и чувствовал, что впервые до меня есть кому-то дело, впервые я сделал что-то, что заметили, но проблема была в том, что никто не знал, что это я...

ПРОЛОГ

13 июля 1977 года

Нью-Йорк как будто затаился в ожидании бури. Люди стали опасаться выходить на улицу вечером и гулять по улицам, а подземка превратилась в одно из самых опасных мест города. Представьте: вы спускаетесь по заплыванной лестнице узкого, мощенного белой глянцевой плиткой коридора, натываетесь на несколько особенно наглых бездомных, перепрыгиваете турникет, отдираете налипшие на ботинки листки от разлетевшихся по вестибюлю бесплатных газет, чтобы, наконец, сесть на поезд с неизменно разбитыми стеклами и бессмысленными граффити, сделанными на окнах черным маркером. Если дело происходило вечером, у пассажира было мало шансов добраться до пункта назначения без потерь.

Газеты наперебой перепечатывали слухи, домыслы и письма человека, называющего себя Сыном Сэма. Вот уже целый год он бродил по паркам, пустырям и парковкам Квинса, Бруклина и Бронкса в поисках уединившихся в тени машин с парочками влюбленных. Целый год девушки

рисковали быть застреленными просто за то, что отправились на свидание.

Все эти убийства еще долго никто бы не замечал, если бы не письма, которые убийца с 44-м калибром стал присылать полицейским, а затем и журналистам, ведущим криминальную хронику в местных газетах. Одна фраза, которая содержалась в одном из таких посланий, повергла многомилионный мегаполис в состояние перманентной паники.

«А что у вас назначено на 29 июля?»

Эта фраза пугала куда сильнее, чем сами убийства. Ужас без конца, как известно, страшнее самого ужасного финала. Год назад 29 июля неизвестный человек подошел к машине, в которой сидели две юные девушки. Он присел на одно колено и выставил вперед револьвер 44-го калибра. Три пули убили восемнадцатилетнюю Донну Лауриа и ранили ее подругу.

По всей видимости, преступник планировал устроить «торжественное празднование» этой почетной даты.

Жители города выставили полиции ультиматум, потребовав поймать убийцу до этой даты, но только сейчас стало понятно, насколько беспомощна полиция перед таким типом преступников. Ни одна система в мире не заточена на поиск серийных убийц. Преступник всегда в числе самых близких, убийца всегда должен иметь мотив, возможность и связь с жертвой. Всему этому учат на первых уроках в школе полиции, и, конечно, такой подход

НЕПРИМЕНИМ К ТЕМ, КТО УБИВАЕТ РАДИ ЗАБАВЫ. ПОДУМАТЬ ТОЛЬКО, КАК СИЛЬНО МОЖЕТ ОДИН ЧЕЛОВЕК ПОСТАВИТЬ НА УШИ ВСЮ СИСТЕМУ ПРАВОСУДИЯ.

РОБЕРТ МЕРФИ, ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Лиловый «Ягуар» припарковался на пустыре возле ночного клуба «Таксипо Гриль» в Бронксе. Клуб переживал сейчас не лучшие времена. Два зала обычно забивались толпой студентов близлежащего колледжа уже к шести-семи вечера, но сейчас эти залы выглядели печально. Владелец заведения уныло переключал музыкальные радиостанции, место диджея сегодня пустовало, а возле барной стойки неуклюже перетаптывались на месте несколько человек. Пара влюбленных, приехавшая сюда на «Ягуаре», очень быстро поняла, что ничего интересного здесь они не увидят. Пара ушла из бара уже минут через двадцать и уединилась на парковке.

Очень скоро из соседней машины вышел мужчина в черной спортивной куртке и кепке. Он выглядел по меньшей мере странно, учитывая сорокаградусную жару, повергшую город в ступор. Незнакомец стремительно направлялся в сторону «Ягуара». В ту секунду, когда он остановился перед окном водителя, из машины выскочил парень с пистолетом в руках.

— Полиция Нью-Йорка. Вы задержаны по подозрению в серии убийств. Ваши права...

Молодой офицер полиции задыхающимся голосом продолжал зачитывать права подозреваемого, но с каждым словом он все больше убеждался в том, что это совсем не тот, кого они искали. Парень тут же упал на колени и завел руки за голову, что сви-

детельствовало о том, что его арестовывали уже не раз. Лоб его покрылся испариной, а зрачки были расширены до пугающих размеров.

Из-за угла подъехала патрульная машина. Пара офицеров начала обыскивать парня. Из внутренних карманов куртки появились прозрачные пакеты с десятком розовых таблеток и легкими наркотиками натурального происхождения.

— Я просто... хотел предложить повеселиться. Просто повеселиться. — оправдывался парень.

— Отбой, это не он, — с разочарованием и презрением сказал патрульный, как будто случайно пнув мелкого дилера ногой.

Офицер, который за время этой операции под прикрытием чуть не сошел с ума от страха, только сейчас начал медленно опускать снятый с предохранителя пистолет.

Это было настоящее безумие. Каждый день несколько десятков арендованных машин выезжали в город, чтобы ловить преступника на живца. Кто-то из офицеров предпочитал использовать манекена, изображая влюбленного в куклу в парике. Кто-то работал в паре с девушкой. По отделению даже ходила байка о том, как один офицер переоделся в девушку, чтобы работать в паре с приятелем. Все это выглядело настоящим безумием. Очень глупая и опасная операция, но как еще можно было поймать маньяка?

РОБЕРТ МЕРФИ, ПОЛИЦЕЙСКИЙ

В это же самое время на Кони-Айленде, Бруклин, другая пара молодых людей уединилась на одной из парковок рядом с пляжем. Сегодня здесь

было больше людей, чем обычно. Нью-Йорк буквально изнывал от сорокаградусной жары. То и дело передавали новости о том, что кто-то упал в обморок и свалился на рельсы в метро, кому-то стало плохо в парке или за рулем. Казалось, что горячий воздух буквально плавится на глазах. Все железные конструкции, трубы, заборы и перекрытия были раскалены сейчас до своего предела. На капоте автомобиля сейчас можно было не только поджарить яичницу, но и попытаться приготовить стейк. Город превратился в консервную банку на костре. Ближе к вечеру все офисные сотрудники и рабочие старались прийти на пляж, чтобы хоть как-то снять напряжение, искупавшись в заливе. Нью-Йорк сейчас напоминал дешевую пародию на Лос-Анджелес. Миллионы людей, привыкших бороться за место под солнцем и работать по двадцать пять часов в сутки в условиях промозглого ветра, который не покидал этот город ни летом, ни зимой, сейчас вынуждены были хотя бы попытаться расслабиться и насладиться жарой. Работодатели шли на уступки и отпускали сотрудников пораньше, но люди, не привыкшие к такому, просто не знали, что делать с этим временем, и пытались расслабиться по полной за эти пару лишних часов свободы. Никакие увещевания полиции города о том, что сейчас лучше оставаться дома, чтобы дать возможность полиции спокойно искать Сына Сэма, не могли заставить людей отказаться от пары часов отдыха на пляже.

Парень и девушка в светло-сером автомобиле марки «Понтиак» сейчас были заняты друг другом. Они не заметили, как небо Манхэттена нео-

жиданно потемнело и окрасилось малиновыми облаками заката. Внутри салона автомобиля температура сейчас была близка к пределу человеческих возможностей. Все окна машины были открыты, но это мало помогало. Разморенные дикой жарой и страстью молодые люди ни на что не обращали внимания.

Незнакомец в футболке грязно-серого цвета подошел к машине и встал напротив лобового стекла, уставившись на влюбленных. В его руках был бумажный пакет из близлежащей закускойной, который он слишком нервно мял сейчас в руках. Девушка первой заметила незнакомца и похлопала своего молодого человека по плечу, указывая пальцем на лобовое стекло.

Парень не счел этого городского сумасшедшего сколько-нибудь опасным. Либо что-то хочет продать для веселья, либо очередной извращенец. В любом случае такого легко можно будет прогнать, пригрозив полицией. Парень высунулся из окна автомобиля и самым грубым тоном, на какой только был способен, сказал:

— Вали отсюда, я сейчас...

Договорить ему не удалось. Незнакомец достал из пакета оружие и начал стрелять. Этот человек, казалось, не слышит и не видит ничего вокруг, он смотрел в одну точку перед собой и бездумно нажимал на курок.

Шум от выстрелов затерялся в раскатах грома и мерцании молний, буквально разрезавших небо Нью-Йорка на части. Самые нерасторопные жители города в панике бежали с пляжа в поисках хоть какого-нибудь укрытия от грозы. Лобовое стекло серого «Понтиака» моментально

покрылось паутиной трещин. Три зияющих дыры от пуль в стекле напоминали мух, застрявших в этой острой паутине из миллиона застывших осколков. Две пули попали в девушку, а одна, по касательной, задела парня.

Незнакомец засунул оружие назад, в бумажный пакет, удивленно посмотрел на обезображенное молниями, почерневшее небо, улыбнулся и быстрым шагом пошел к своей машине. Раненый парень от шока не запомнил лица стрелявшего. Он несколько минут бессмысленно смотрел впереди себя, ожидая скорой смерти. Только когда незнакомец скрылся из вида, парень открыл дверь машины и вывалился на бетонное покрытие парковки. Оставляя кровавые следы за собой, он дополз до другой двери машины. Когда он открыл ее, на парня буквально упала истекающая кровью возлюбленная. Слишком тихим от шока голосом парень еще долго повторял только одно слово:

– Помогите...

Дэвид Берковиц пересекал Бруклинский мост на своей машине, когда на землю упали первые капли дождя, на двадцать пять часов погрузившего Нью-Йорк во мрак. Умолкший, загнанный в угол и готовый к бою Нью-Йорк замер в ожидании первых капель грозы. И он дождался. Рано или поздно дождь проливается на город.

Первые раскаты грома прозвучали призывным набатом для всех униженных и оскорбленных, для всех, кого обидел этот жестокий и беспощадный, но хрупкий город. Кто-то поджег карусель в закрытом парке развлечений, и сейчас пожарная бригада мчалась через весь город, чтобы

потушить горящие аттракционы. В Бруклине случилась перестрелка с участием бригады общественного контроля, и полицейскому патрулю пришлось выехать на место происшествия. Практически вся полиция города вот уже два месяца была занята только делом Сына Сэма. Мэр города Абрахам Бим объявил это дело приоритетом города, поэтому вся полиция вот уже два месяца работала на износ. Участок № 109 стал штабом операции «Омега», которая была занята исключительно поимкой Сына Сэма. Они буквально жили на работе, из-за чего очень скоро у полицейских начали сдавать нервы.

По радио объявили о том, что молнии вывели из строя несколько электростанций, из-за чего последовала фатальная перегрузка всех электросетей. Когда исправят ситуацию, никто сейчас сказать не мог, но было ясно, случится это не в ближайшие несколько часов. Дэвид Берковиц улыбался тому, что стал свидетелем и участником глобального погружения города во тьму.

На пути к Манхэттену стали образовываться заторы. Светофоры не работали, а тысячи людей сейчас хотели попасть на главные торговые улицы страны, вломиться в самые дорогие магазины и торговые центры премиум-класса. Дэвид успел доехать до съезда в Йонкерс, где располагалась его квартира, когда увидел, что в сторону Манхэттена начинает образовываться пробка. Он достал из бардачка бумажный пакет с револьвером 44-го калибра, проверил, на месте ли коробка с патронами, включил поворотники и развернулся, встав в только что образовавшу-

юся пробку. Все эти люди ехали грабить магазины на 5-й авеню, разбивать витрины, воровать, а лучше уничтожать то, на что все эти люди никогда бы не смогли заработать. Дэвид Берковиц всегда искал людей, которые бы приняли его таким, какой он есть, людей, которые стали бы для него настоящей семьей. Приемные родители так и остались для него чужими людьми, он не прижился в армии, а проповедники в церкви только и делали, что указывали на его греховность. Сейчас, в этой пробке, среди совершенно незнакомых ему людей, он чувствовал молчаливую поддержку, впервые он чувствовал себя своим.

Дэвид добрался до Манхэттена и бросил машину в одной из подворотен. Сейчас оставалось только надеяться, что его допотопный Ford не привлечет к себе лишнего внимания. Берковиц шел по улицам города и наблюдал за тем, как толпа штурмует один из крупных супермаркетов, разбивает витрины дорогого автосалона, дерется за украденные, а иногда уже пришедшие в негодность товары. Он видел сотни таких же людей, как и он сам, лишенных права голоса, увязших в нищете и безысходности, но, самое главное, лишенных надежды людей. Одни убеждали себя в том, что делают это ради семьи, другие — убеждали себя в ненависти к корпорациям, но было видно, что дикой и неуправляемой толпой движут лишь гнев и отчаяние, копившиеся в них долгие годы. Дэвид, пребывавший в своем собственном, личном, поджигающем сознание аду уже больше года, был рад тому, что в этот же мрак погрузился и целый город.

БОЛЬШЕ СТА ТЫСЯЧ ЛЮДЕЙ УЧАСТВОВАЛИ В БЕСПОРЯДКАХ. БОЛЬШЕ ТЫСЯЧИ ПОДЖОГОВ ЗА НОЧЬ. ПОЖАРНЫЕ НЕ УСПЕВАЛИ ПОТУШИТЬ, КАК ПОЯВЛЯЛОСЬ ДЕСЯТЬ НОВЫХ ВЫЗОВОВ. В ГОРОДЕ ОБЪЯВИЛИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ВСЯ ПОЛИЦИЯ ГОРОДА ВЫШЛА НА РАБОТУ, НО ЧТО ОНИ МОГЛИ СДЕЛАТЬ? ЕСЛИ ВЫ ВЫКЛЮЧАЕТЕ СВЕТ, ЛЮДИ НАЧИНАЮТ КРАСТЬ. ОСОБЕННО ЕСЛИ ЭТО ОЧЕНЬ ГОЛОДНЫЕ ЛЮДИ.

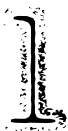
КРИС ПАЛЬМА, ЖИТЕЛЬ БРОНКСА

ХВАТАЕШЬ ЧЕТВЕРЫХ-ПЯТЕРЫХ, ИХ МЕСТО ЗАНИМАЕТ СОТНЯ. КАК ТОЛЬКО МЫ ПОЯВЛЯЛИСЬ, ТЕ, КТО НЕ ЗАНИМАЛСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО ГРАБЕЖОМ, СВИСТОМ ПРЕДУПРЕЖДАЛИ МАРОДЕРОВ. ВСЕ, ЧТО БЫЛО В НАШИХ СИЛАХ, — ЭТО ОТОГНАТЬ ИХ ОТ МАГАЗИНА, А ОНИ ТУТ ЖЕ БЕЖАЛИ В ДРУГОЙ, В СОСЕДНЕМ КВАРТАЛЕ.

РОБЕРТ МЕРФИ, ПОЛИЦЕЙСКИЙ

Когда в окнах зажегся свет, перед глазами людей предстал уже совсем другой город, рядом с ними были уже совсем другие люди. Сообщение о стрельбе на Кони-Айленде никто даже регистрировать не хотел.

— «Понтиак»? — недовольно поинтересовался дежурный. — Посмотрите вокруг, весь город в чертовых угнанных «Понтиаках».

ШАНС

Бронкс, 1953–1960 гг.

Двухэтажный кирпичный дом в районе Саундвью в Бронксе, расположенный неподалеку от ветки метро, казался Натану и Перл Берковиц пределом мечтаний. Это, конечно, не Манхэттен, но район вполне приличный, да и магазин Натана всего в паре домов отсюда. Они с Перл долго шли к этому счастью. Иногда им начинало казаться, что слишком долго. Пара познакомилась на исходе Второй мировой на одном из праздников, которые устраивала еврейская община. Робкая девушка с большими выразительными глазами на худом, уставшем от голода лице сразу привлекла внимание Натана, и с тех пор они были вместе.

Натан Берковиц пообещал себе, что его жена никогда не будет знать голода, и с тех пор всеми силами старался обеспечить им счастливое будущее. Сменив не один десяток работ, ему все же удалось накопить на открытие крохотного магазинчика на задворках Бронкса. Даже в благополучные 1950-е район был ужасным. То и дело случались кражи и перестрелки, а в местных барах

заседала итальянская мафия, которая с презрением относилась к Натану. Натану пришлось вложить все свои сбережения, чтобы арендовать помещение получше. Какое-то время они жили прямо в магазине, а потом арендовали комнату на втором этаже соседнего здания. Жизнь постепенно налаживалась, и Перл все сильнее мечтала о детях, но ей никак не удавалось забеременеть. Это буквально сводило Перл с ума, а Натан страдал, видя наворачивающиеся слезы жены каждый раз, когда они проходили мимо детской площадки. Юная еврейская девушка в 1950-х годах могла мечтать лишь о большом доме, наполненном детскими голосами. Дом они вскоре все-таки приобрели. Первый взнос по ипотеке стал для них серьезным ударом по бюджету, но бизнес развивался, и они кое-как выдержали это испытание.

Натан испытывал радость и гордость всякий раз, когда вечером шел с работы по знакомой улице, на которой все его знали. Дверь ему открывала прекрасная Перл в неизменно скромном платье и с уложенными в аккуратные локоны темными волосами. Если бы только не отчаянное желание Перл забеременеть, они бы были самой счастливой парой на свете. Впрочем, именно эта навязчивая идея спасла девушке жизнь.

Летним вечером 1952-го года Перл не встретила Натана после работы. Мужчина нашел жену плачущей в ванной комнате. Сразу было понятно, что что-то произошло, но девушка наотрез отказывалась говорить. Натан опустился на бортик ванной и стал гладить девушку по спине. Он так и сидел, не зная, что сказать, пока наконец Перл не призналась. У нее обнаружили рак груди.

Нужно срочно делать операцию, которая даже если и пройдет удачно, навсегда лишит ее возможности иметь детей.

Они совсем недавно оформили медицинскую страховку, которая могла покрыть часть расходов на лечение, но Перл не хотела лечиться, она хотела дом, наполненный веселыми детскими голосами.

— Без тебя я жить не смогу. Если ты не можешь жить без детей, то давай заведем ребенка, но только если ты начнешь лечение, — сказал наконец Натан после очередного их спора.

— О чем ты только говоришь? У меня не будет детей! — разрыдалась девушка.

— О сотнях и тысячах младенцев, которых рожают шестнадцатилетние девушки. Таких в любом приюте полно. Даже в нашей еврейской общине то и дело говорят об очередном ребенке-трагедии.

То лето стало самым сложным испытанием в их жизни. Перл сделали мастэктомию. Лишиться груди для столь юной девушки — непосильное испытание. Она наотрез отказывалась раздеваться перед мужем, все больше закрывалась и все чаще молчала по вечерам. Ей нужно было пройти курс химиотерапии, но у нее попросту не хватало на это сил. Натан буквально заставлял ее идти в больницу, но девушка продолжала буквально таять на глазах.

В тот момент их спасли дети, о которых Натан стал разговаривать все чаще. Он предлагал Перл съездить в детский приют, часто обсуждал с кем-то из еврейской общины детей, оставшихся по тем или иным причинам без родителей.

У Перл всякий раз загорались глаза, но блеск этот угасал, когда она узнавала о возрасте ребенка. Ей нужен был младенец, которого она бы выносила, которого нужно было кормить грудью, но все это было теперь недоступно для нее.

Уловка Натана удалась. Разговоры о детях буквально вытащили Перл из могилы. В начале октября 1952-го года она окончательно пошла на поправку и занялась переустройством дома. Раз уж они решили взять ребенка из приюта, им нужна полноценная детская комната.

Время шло, но детские голоса в их доме так и не зазвучали. Соседи сочувственно качали головой всякий раз, когда видели пару вместе, а на каждом празднике в их общине кто-то обязательно задавал болезненные и бестактные вопросы. Летом 1953 года на очередной бар-мицве¹ ребенка их друзей одна из женщин-активисток, которые всегда появляются в таких организациях, неожиданно сказала Натану о том, что недавно к ним обратилась женщина, которая хочет отдать своего ребенка сразу после рождения.

— ...Она похожа на Перл как две капли воды, а ребенок должен родиться уже на днях, — закончила свой рассказ женщина.

Спустя две недели Натан с женой уже неловко топтался у дверей родильного дома для незамужних девушек. Это место не внушало дове-

---

¹ Бар-мицва (ивр. בָּרְמִיצָה רַבָּן, буквально — «сын заповеди»), бат-мицва (ивр. בָּתְמִיצָה לְרַבָּן — «дочь заповеди», в ашкеназском произношении бас-мицва) — термины, применяющиеся в иудаизме для описания достижения еврейским мальчиком или девочкой религиозного совершеннолетия. — *Прим. ред.*

рия. Повсюду сновали медсестры с каменными лицами. На окнах кирпичного здания были внушительные решетки, а отчаянный детский плач проникал на улицу даже сквозь толстые стены старинного здания. Тут никто не был рад появлению этих малышей на свет. Все эти дети от рождения были лишними. Они появились по ошибке, случайности или вследствие насилия. Кое-кого из младенцев молодые матери все же забирали. Такие малыши были обречены с рождения узнать о том, что испортили жизнь своей матери. Большинство же младенцев оставались здесь до появления приемных родителей.

Пожилая мрачная медсестра вынесла им закутанного в серую пеленку младенца и аккуратно передала сверток Перл. Ребенок спал. Он действительно был очень похож на них, по крайней мере, настолько, насколько младенец может быть на кого-то похож. У него были черные вьющиеся волосы, как у Перл, и выдающийся нос, как у Натана.

— Это наш шанс, — шепнул Натан жене и неловко улыбнулся спящему младенцу.

В 1950-х годах усыновить ребенка из приюта было достаточно просто. Уже через пару дней они забрали младенца навсегда, а еще через месяц все документы на усыновление были готовы. Биологическая мать назвала его Ричард Дэвид. Перл и Нат хотели сохранить ребенку что-то настоящее, поэтому они решили поменять местами первое и второе имя и назвали ребенка Дэвид Ричард Берковиц.

Заметив появление младенца в тихом доме семьи Берковиц, соседи понимающе улыбались.

Здесь все любили тихую еврейскую пару, которая так же, как и все, отчаянно пыталась выбраться из нищеты, бремя которой вынуждены нести все эмигранты.

Магазин бытовых мелочей Натана Берковица стал процветать с тех пор, как он добавил к своему ассортименту сувениры и открытки, на которых крупными буквами было написано «Нью-Йорк». Их дом в паре кварталов отсюда теперь был наполнен звуками, а жизнь постепенно налаживалась. Натана несколько пугало, что в нескольких кварталах от их дома стали строить социальное жилье, которое всегда сулило неприятности местным жителям, но во всем остальном жизнь казалась вполне счастливой.

Ребенок постепенно рос, радуя родителей своими первыми успехами. Натан относился к Дэвиду спокойно и немного равнодушно. Если бы его спросили, он бы, конечно, сказал, что любит малыша, но на деле он относился к нему как к необходимому условию для счастья жены, а вот Перл он действительно любил.

МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО ЕСЛИ БЫ У МЕНЯ БЫЛ БРАТ ИЛИ СЕСТРА, ТО МОЯ ЖИЗНЬ МОГЛА БЫ СЛОЖИТЬСЯ ПО-ДРУГОМУ. У ВСЕХ, КОГО Я ЗНАЛ, ОНИ БЫЛИ, НО РОДИТЕЛИ ГОВОРИЛИ, ЧТО СЛИШКОМ СТАРЫ ДЛЯ ЕЩЕ ОДНОГО РЕБЕНКА.

ДЭВИД БЕРКОВИЦ

Родители не обязаны любить своих детей. Об этом редко говорят, но такое часто происходит. Ребенок появляется в семье. Родители начинают механически исполнять свои обязанности, но далеко не всегда испытывают к нему ту истинную

и безусловную любовь, о которой любят писать в псевдопсихологических нью-эйдж книжках. Перл совсем недавно перенесла операцию, из-за которой перестала чувствовать себя женщиной. Ей казалось, что болезнь изуродовала ее, превратила в подобие человека. Она ненавидела свое отражение в зеркале, а теперь в этом зеркале отражался еще и ребенок, с которым она не была знакома. Чужой ребенок. Еще ни разу реализация маниакальной сверхидеи не сделала человека счастливым. Перл верила, что появление ребенка кардинально изменит ее жизнь, вот только это был не тот ребенок.

Никто и никогда бы не смог обвинить женщину в том, что она плохо относилась к своему приемному сыну, однако в душе она еще очень долго не могла перестать считать его приемным. Всякий раз, когда ребенок плакал, она приходила к нему и успокаивала, но не брала на руки, не обнимала. Спустя месяц, два и даже год между Перл и Дэвидом существовал какой-то барьер, который приемная мать никак не могла преодолеть. Она, а вслед за ней и Натан старались никогда не повышать на ребенка голос, а спокойно объяснять, почему именно так делать нельзя, а вот так можно. Ребенок принимал такое поведение за равнодушие, а это самое страшное. Если ребенку не удастся получить достаточное количество внимания, он обычно прибегает к слезам, когда и это не работает, он начинает совершать плохие поступки. Уж это точно привлечет внимание.

Дэвиду не нравилось посещать синагогу и еврейское общество, в которые они ходили регулярно. Там приходилось сидеть тихо и соблю-

дать правила, да еще к тому же он все время чувствовал, что ничего здесь не знает и не понимает. Каждый ритуал состоял из тысячи нюансов, знание о которых ребенку не передается по наследству, но Дэвиду казалось, что все кругом знают куда больше, чем он. На каждый вопрос, который у него возникал, ответ, кажется, знали все присутствующие кроме него. Чуть позже к этому неприятному чувству отверженности прибавилось еще и плохое отношение сверстников к нему. Конечно, в синагоге никто не бил, не задирали и не ставил ему подножек. Матери тщательно следили за тем, чтобы дети здесь прилично себя вели. Однако во всех играх Дэвид оказывался лишним и не нужным. Особенно трудно приходилось на праздниках бар-мицвы. На праздник по случаю взросления мальчика (тринадцатилетие) обычно приглашали всех детей из еврейского квартала независимо от их возраста.

Празднование обычно проходило у кого-то дома или в большом семейном кафе неподалеку. Дети помладше собирались в одном углу зала, а мальчики постарше вместе с виновником торжества либо отгораживались в другом углу, либо старались смешаться со взрослыми. Шестилетнему ребенку сложно смешаться со взрослой аудиторией, а в детские игры его не принимали, называя найденышем и приبلудышем. В еврейской общине все знали о том, что Дэвида усыновили, да Берковицы и не собирались скрывать этот факт, не предполагая, что для ребенка это грозит дополнительными трудностями. Женщины из общины с удовольствием обсуждали приемного сына семьи Берковиц, не стесняясь присутствия рядом своих

детей. Никто из них не осуждал семью за усыновленного ребенка, но вот приводить его в общину им казалось неправильным.

— Мало ли какого он рода и племени, ребенок не еврей, зачем ему здесь присутствовать? Никто не против, пусть усыновляют хоть весь приют, но зачем им прививать эту культуру.

— Ты видела ребенка? Он точно еврей.

— Мы ничего не знаем о его матери. Если мы не знаем его предков, он опасный человек...

Такие разговоры повторялись раз за разом. Дети во всем этом понимали только то, что Дэвид здесь чужак, которого непонятно зачем привели в их братство. Именно это они и говорили ему, когда ребенок хотел, чтобы его взяли в игру. Дэвид злился, сжимал кулаки и плакал до тех пор, пока ему не сказал это мальчик, который был на год младше его. Худой, subtilный ребенок, шею которого можно было бы обхватить двумя пальцами, говорил сейчас массивному, полному Дэвиду, что тот не достоин быть участником игры.

В следующую секунду Дэвид уже набросился на ребенка с кулаками. Это заметила мать ребенка, которого сейчас избивали, и начала кричать. Весь дом, в котором проходил праздник бар-мицвы, тут же поднялся на уши. Натан и Перл прибежали на второй этаж и с ужасом наблюдали за тем, как кто-то из мужчин разнимает детей.

Мужчина, разнимавший драку, огляделся по сторонам. Увидев в толпе родителей Натана и Перл, он подвел к ним Дэвида, которого держал сейчас за шиворот.

— Простите, нам пора, — процедил сквозь зубы Натан.

Они наспех попрощались со всеми и ушли. Тем вечером дома разгорелся гигантский скандал. Перл настаивала на том, что нужно было выяснить, в чем было дело, а Натан хотел немедленно наказать ребенка.

— Больше мы не поведем его в общину, — сказал наконец Натан. — Все и так шепчутся, что он усыновленный.

Перл еще что-то говорила, но Натан уже включил телевизор и уселся на диван, всем своим видом демонстрируя, что разговор окончен. Дэвид, все это время сидевший в углу, дождался еще какое-то время, а потом все же решился подойти к отцу и спросить:

— А что значит «усыновленный»? Это болезнь?

* * *

Психиатрическая больница округа Кингс, 1978 г.

— Что ты почувствовал, когда нашел эти бумаги? — спросил психиатр Дэвид Абрахамсон, когда Дэвид закончил рассказ о своей семье. Сидящий напротив него Дэвид Берковиц выглядел безобидным толстяком-неудачником. Сколько бы психиатр ни работал, его каждый раз завораживал тот момент, когда пациенты рассказывали о своем детстве, моментально превращаясь из взрослых, иногда даже убежденных седиными людей в дошкольников.

— Я почувствовал себя чужим. Знаете, все встало на свои места. Я всегда чувствовал себя чужим и лишним, всегда не понимал родителей. Когда нужно было идти в синагогу, мог запла-

кать, потому что чувствовал, что не имею полного права там находиться. Не поймите меня неправильно, я не виню в этом родителей, они очень меня любили, но как бы то ни было, это все равно любовь к чужому ребенку, понимаете, о чем я?

— Я не обвиняю, — пожал плечами психиатр, с интересом наблюдая за мимикой и жестами пациента. Дэвид явно получал удовольствие от беседы. Так могут вести себя только те, кому не хочется что-то забывать. Любой человек, которому предлагают вспомнить неприятный период жизни, начинает чувствовать дискомфорт.

— Они меня любили! У меня было счастливое детство!

Дэвид начал убеждать врача, сидящего перед ним, в очевидных вещах. Берковиц попал в любимую ловушку доктора Абрахамсона. Дэвид, несомненно, понимал, зачем ему нужны эти беседы. У него были свои мотивы и интересы. Психиатрическая больница закрытого типа — это особое место. Основным ее профилем всегда была судебно-психиатрическая экспертиза преступников. Врачи здесь должны были не только слушать пациентов, наблюдать за ними и оказывать соответствующее лечение, в первую очередь они должны были отсортировать то, что говорили им пациенты. Для любого психолога важно понимать, что за человек пришел к ним на прием и каким он хочет казаться, но в случае с судебной экспертизой каждое сказанное слово могло навсегда изменить жизнь человека. Каждый пациент означал для врача новую шахматную партию, в которой самым главным было заставить пациента забыть

о том, с кем он играет. Разговор с психиатром — это всегда разговор с самим собой. Задача врача в данном случае была заставить человека не врать самому себе. Сейчас Дэвид, как кажется, забыл о том, где находится, и говорил искренне.

УЗНАВ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ, ОН ПОЧУВСТВОВАЛ СЕБЯ ФАЛЬШИВЫМ. СНАЧАЛА РАЗОЗЛИЛСЯ, А ПОТОМ СТАЛ ОБЛАДАТЕЛЕМ ПОСТОЯННО РАСТУЩЕГО ЧУВСТВА ВИНЫ, КОТОРУЮ НИЧЕМ НЕЛЬЗЯ ЗАГЛАДИТЬ. ТАКАЯ ВИНА СНАЧАЛА ЗАСТАВЛЯЕТ ЧЕЛОВЕКА ЛЕБЕЗИТЬ И ЗАИСКИВАТЬ С БЛАГОДЕТЕЛЕМ, А ЗАТЕМ ПРИВОДИТ К ОБРАТНОМУ, ЧЕЛОВЕК НАЧИНАЕТ СТРЕМИТЬСЯ К САМОРАЗРУШЕНИЮ.

ДЭВИД АБРАХАМСОН

В годы Второй мировой войны психоаналитик Рене Шпиц заметил, что дети, которые с рождения были отделены от матери и долгое время пребывали в государственном учреждении, чаще других умирают. Такие дети казались более слабыми, недостаточно физически и психически развитыми, в них как будто отсутствовала воля к жизни. Они с рождения не чувствовали себя нужными, жили в состоянии постоянного дефицита зрительного и тактильного контакта с одним человеком. Впоследствии, если такие дети выживали, они хуже развивались, учились, имели серьезные проблемы с социализацией и построением личных отношений. Этот феномен получил название госпитализма и стал активно изучаться психиатрами, в том числе и по той простой причине, что организовать наблюдение за детьми в доме малютки или интернате было не так уж сложно, а недостатка в таких детях